

Тема жизни и смерти в произведениях Агъея и Кришны Собати

Стрелкова Гюзэль Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Отдела литератур народов Азии Института востоковедения, Российская академия наук.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-4989-2428. E-mail: gstr@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется тем, что в отечественной индологии тема жизни и смерти, раскрытая в произведениях писателей хинди Агъея «Сами себе чужие» и Кришны Собати «Эй, Девочка», прежде практически не рассматривалась. Цель статьи – рассмотреть подход к пониманию природы Бога, жизни и смерти на примере этих двух романов, которые являются яркими образцами индийского модернизма. Предметом статьи становятся эти два романа – «Сами себе чужие», автор которого – Агъей – считается основоположником литературного направления экспериментализм, и «Эй, Девочка», написанный Кришной Собати – представительницей направления «женское письмо». Основной метод статьи – метод сравнительного анализа, позволяющий рассмотреть художественные произведения во взаимосвязи с произведениями других писателей, с другими литературными и философскими концепциями.

Главные герои Агъея – одинокие люди, выступающие против консервативного общества и испытывающие чувство исключенности из общего мира. Герои Кришны Собати могут восприниматься как маргинальные личности, но они стремятся преодолеть свою маргинальность. Творчество этих писателей хинди сочетает западный и индийский подходы к пониманию и изображению мира, в котором живут их герои. Эти произведения близки композиционно, в создании образов главных героев и в формировании повествовательных элементов. Агъей и Кришна Собати достигают практически противоположного результата, описывая своих героев на грани между жизнью и смертью, в поисках Бога и в стремлении познать смысл своего существования.

Ключевые слова: роман хинди, женское письмо, индуизм, экзистенциализм.

Выдающийся поэт, прозаик, литературный критик, фотохудожник Саччидананд Хиранианд Ватсыян, известный под псевдонимом Агъей¹, занимает особое место в литературе хинди. Его творчество отличается своеобразием, он один из самых ярких индийских писателей XX в., произведения которого анализировались в отечественном и индийском литературоведении [2; 6; 7; 20]. Агъей внес большой вклад в развитие литературы хинди и как родоначальник нового литературного направления *прайогвад* – экспериментализм. Он сказал новое слово в поэзии и прозе хинди, а позже сопровождал свои стихи художественными фотографиями, создавая гармоничное целое, внося вклад в новую поэтическую форму – *chitrit padya* – иллюстрированная поэзия. Кроме литературных проблем его волновала проблема нравственного выбора и противостояния ахимсы (букв. «ненасилие») и революции. Вклад этого писателя в литературу хинди определяется той глубиной и разнообразием нового, что он внес – как поэт, прозаик, новатор, создавший новое литературное направление, и наставник начинающих поэтов. Его разностороннее творчество значимо не только для литературы хинди, но и мировой.

Этого поэта и писателя волновали философские вопросы, такие как постижение Бога, а также онтология человеческого бытия: можно ли познать жизнь и смерть, каким должно быть к ним отношение индивидуума. Эти вопросы связаны с поисками Бога и продолжают быть наиболее важными темами мировой литературы [3].

© Стрелкова Гюзэль Владимировна, 2024

¹ Это имя, Агъея, которое в качестве литературного псевдонима взял писатель, в переводе на русский язык означает «непознаваемый, таинственный, загадочный». В исследованиях на русском языке, как правило, это имя пишется именно таким образом, но иногда встречается его написание Агъей или Аджня.

Если человек-герой в традиционалистском типе художественного сознания имел четкие ответы на эти вопросы, что также отражается в литературе хинди [5], то начиная с конца XVIII в. или с появлением индивидуально-творческого сознания, подход к этому вопросу и его интерпретация начинают меняться – в произведениях художественной литературы появляется отражение внутреннего мира героя [1, с. 105–125]. Позже наступает эпоха «смерти Бога», в соответствии с тезисом Ницше.

Как нам представляется, литература хинди эпохи модернизма рассматривала этот вопрос следующим образом. Божество постигается сразу же после появления человека на свет. По мере взросления индивид воспринимает это как должное, и только радикальные изменения в самой личности или обществе могут привести его на путь поисков Бога, более того, заставить изменить его религию. В индийском контексте разнообразие религиозных традиций приводит к синтезу концепций и идей, традиций, мест паломничества, ритуалов, привычек. Начиная со времен средневекового религиозного направления бхакти, подразумевающего безграничную преданность верующего своему божеству, одним из главных вопросов был – пребывает ли Бог в храме или же в сердце верующего, можно ли его обрести, идя путем любви, личностным служением, обожанием и совершая добрые дела, или же идти по пути знания и ритуалов, строго следуя традициям. Современная литература хинди продолжает обсуждать эти вопросы. В основном, как представляется, литература хинди отвечает на вопрос «Жив ли Бог?» положительно.

Роман Агъея «Сами себе чужие» (Arne arne Ajnabi) [21], опубликованный в 1961 г., и повесть писательницы Кришны Собати «Эй, девочка» (Ai, Larḳī) [7], опубликованная в 1991 г., демонстрируют восприятие жизни и смерти, отношение к Богу и то, каким образом это отражается в литературе хинди второй половины XX в. Из отечественных исследований нам известен анализ романов Агъея, сделанный С. А. Эминовой и опубликованный в ее книге «Традиции и новаторство в литературе хинди» [9]. Кроме этого, о творчестве Агъея пишет Н. Д. Гаврюшина в книге «Премчанд и роман хинди XX в.» [4]. В европейской индологии вышел сборник статей под названием «Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times» (2012) [17], в котором переосмысливается влияние творчества Агъея на развитие современной индийской литературы. При этом детальный обзор примеров индийского экзистенциализма отсутствует. Роман Кришны Собати исследован отечественной индологией только с точки зрения лингвистики – так, филологи Санкт-Петербургского университета Е. А. Костина и А. В. Челнокова в статье «Лингвистические особенности коммуникации «мать-дочь» в современном хинди (на примере рассказов Кришны Собати)» [5] рассматривают взаимоотношения представительниц двух разных поколений – матери и дочери, что дает возможность читателю лучше понять их отношения.

В данной статье сделана попытка сравнения этих произведений, написанных двумя выдающимися писателями хинди, которых волновали эти проблемы. С начала литературной карьеры Агъея главным героем его прозы был человек, идущий по пути «бунта и сопротивления», испытывающий чувство исключенности из обычного мира. Некоторых героинь Кришны Собати также можно воспринимать как маргинальных, например, Митро Марджани в одноименной повести (Mitro marjanī), в переводе на русский язык – «Чертова Митро», Ратти из романа «Подсолнухи во тьме» (Sūrajmukhī andhere ke), Махак Бану – главная героиня романа «Сердце и разум» (Dilo-dānīś), который был переведен на английский язык под заголовком «The heart has its reasons» («У сердца свои причины») переводчицами Риной Ананд и Менакши Свами. Эти героини пытаются преодолеть свою маргинальность, что им иногда удается. Они достигают цели с помощью бунта или открытого протеста, который может быть и бунтом против Бога. Причины их бунта или маргинальности разные. Очевидно, главная разница заключается в том, что Агъея рассматривает внутренний кризис героя, который сам противопоставляет себя обществу, в то время как главная героиня Кришны Собати изначально противопоставлена семье как части общины или обществу в целом только из-за того, что является женщиной. В то же время герои и того, и другого автора размышляют и решают вечные вопросы, пытаясь понять причину того, ради чего человеку стоит жить или умереть. Агъей показывает процесс размышлений откровенно, используя дневник или внутренний монолог героя, который обычно действует лишь после глубоких размышлений. В противоположность этому многие героини Кришны Собати не мыслители, чаще это обычные, простые женщины, ведущие повседневную жизнь. Многие из них поступают неожиданно, без особых размышлений. Несмотря на это, автор искусно показывает, что даже заурядная женщина не может из-

бежать поисков истины и Бога. Героини Кришны Собати живут, действуют и разговаривают о жизни, таким путем они могут понять и принять Бога и примириться с концом жизни. Такой конец можно назвать смертью, но он не будет означать «совершенный конец или вечную пустоту», это «освобождение тела и души» (*dehātṁ kā nistārā*) [15, с. 10], а жизнь – это *лила* (*līlā*), божественная игра, созданная Всевышним, который сам в ней участвует.

Примечательно, что в этих двух произведениях, созданных независимо друг от друга, есть много совпадений в сюжете и в описании главных героинь. Это две женщины – молодая, стоящая на пороге жизни, своего рода свидетельница, но не бездействующая, и старая, ожидающая прихода смерти. В противоположность героиням Кришны Собати, героиня Агъеи Йоке, например, задумывается и приходит к заключению, что «жизнь – лишь форма восприятия и познания Бога» [10, с. 41]. Она раздумывает над этой тайной (*rahasya*) и удивляется, почему «захоронение и спасение происходят в одно и то же мгновение» (*ek kā madfan aur dūsge kā nistār ek sāth ek hī kṣaṇ meṁ hotā hai*) [10, с. 80]. Слово – тайна, загадка также представляет своего рода предел, который привлекает героиню Агъеи и приводит к глубоким размышлениям. Лишь после этого она будет действовать так, как и вообразить не могут героини Кришны Собати.

Молодая героиня Агъеи играет активную роль: она помогает умирающей Сельме, ухаживает за ней, раздумывает над их заточением в снежных горах, стремясь найти причину того, что происходит с ней самой и Сельмой в этой невольной изоляции. Такая позиция, особенно благодаря тому, как она изображена в этом романе, делает неизбежной необходимость осветить проблему обретения или потери Бога. В этих произведениях читатель может найти довольно схожие точки зрения на основные проблемы, которые обсуждают авторы, изображая своих героинь. И в том, и в другом романе повествование в основном ведется от первого лица, или же это своеобразный диалог о жизни и смерти, об отношениях между поколениями и родственниками, о вечности и быстротечности бытия и других подобных темах. Агъея и Кришна Собати создают особую атмосферу для своих героинь. Это своего рода чистый мир, с минимумом обычных, будничных деталей, но не лабораторно стерильный. В нем героини могут обсуждать и решать вечные проблемы, чтобы обрести чувство и смысл бытия. Тема существования Бога, очевидно, главная для этих двух произведений. В чем заключается роль божества в жизни отдельно взятой личности и общества, что такое жизнь и смерть? Авторы, каждый своим путем, приходят к выводам. Разницу, вероятно, можно объяснить, ссылаясь на индийский – особенно индуистский – менталитет, что прежде всего относится к роману Кришны Собати «Эй, девочка». Это подтверждает и другой роман писательницы «Сердце и разум», в котором индуизм и ислам сосуществуют или противостоят друг другу.

Агъея демонстрирует более европейски ориентированную точку зрения, основанную на христианстве с буддийским подтекстом, но сосредоточенном не на религии, а философии. В отличие от Агъеи, Кришна Собати, создавая образ умирающей матери в романе «Эй, девочка», демонстрирует индуистский подход, то есть индуизм как путь жизни [12]. У этой героини нет никаких сомнений в существовании Бога, она уходит в мир иной довольная своей жизнью. Она знает, что ее жизнь будет продолжена жизнью дочери: «Давая рождение дочери, мать будет жить вечно» [16, с. 56].

Отличительной чертой Агъеи было то, что он испытал сильное влияние марксизма, русской философии и революционного движения. Он получил драматичный жизненный опыт – за участие в антиколониальном движении был посажен в тюрьму, разочаровался в жизни, в результате увлекся буддизмом и французским экзистенциализмом. Это отразилось в его ранних рассказах и первом романе «Шекхар: история одной жизни» (*Śekhhar: ek jīvanī*), написанном в 1941–44 гг. Сюжеты некоторых ранних рассказов Агъеи, написанных в 1930-е гг., были заимствованы из истории русского революционного движения. Это был мир атеизма, противостоящего христианству. В них читатель встречается с русскими персонажами, такими как Мария Ивановна в рассказе «Сбившаяся с пути» (*Vipathagaa*), или три друга – Максим, Леон и Антон в рассказе «Превыше разума» (*Vivek se baRhkar*) [10, с. 185–198]. Эти герои для индийца Агъеи иностранцы, как и герои его последнего романа «Сами себе чужие», за исключением персонажа второго плана Джаянатха, который появляется в последнем эпизоде романа, воспринят как демонстрация европейского подхода к проблеме Бога, но в двух вариантах. Сельма, одна из двух героинь, старая женщина, верующая в Бога, уходит в мир иной успокоенной и удовлетворенной. В противоположность ей молодая героиня Йоке делает свой экзистенциальный выбор. Она проводит несколько недель, живя в изолированном мире вме-

сте с умирающей Сельмой в маленьком домике высоко в горах, где две женщины отрезаны от мира снегопадом. Они ведут долгие разговоры, а когда их в конце концов освобождают из снежного плена, Йоке предпочитает смерть. В ходе повествования читатель узнает, что Йоке была вынуждена стать проституткой – *veśūā*, так как город оккупирован немцами, для нее это означало, что «Йоке умерла» (*Yoke mar gayī*). Героиня выбирает себе новое имя – Мариам, так как «Мариам никогда не умирает» (*Mariam kabhī nahīn martī*) [10, с. 87]. Несмотря на это, героиня совершает самоубийство в конце романа. Читателю приходится думать, почему она сделала именно этот выбор, а не другой, почему Йоке повторяла, что она сделала этот выбор по своей воле [10, с. 86–87]. Этот выбор – как и вся жизнь Йоке – могут быть интерпретированы как иллюстрация экзистенциальной философской концепции «критической точки», «пограничной ситуации» или «проблемы выбора». Если это так, то читатель может воспринять роман как диалог этого писателя с европейскими философами, начиная с Хайдеггера вплоть до Сартра. Многие читатели следовали этим путем, что помогает понять роман «Сами себе чужие». Обращая внимание даже на самые небольшие, но значимые детали, читателю следует сосредоточиться на его своего рода «зеркальной структуре», представить и сравнить жизнь и поведение двух героинь – Сельмы и Йоке, вспомнить, в какое время и где они живут. Уместно подумать и о том, что Агъея не делал какой-либо современный, модный на то время выбор, когда писал этот роман. Это было время, когда философия экзистенциализма была чрезвычайно популярна, а писатель был в постоянном поиске истины и верного выбора между правильным и неправильным, честным и бесчестным, верностью и предательством.

Герой первого романа Агъея «*Śekhar: ek jīvanī*» [11] также должен преодолеть пограничную ситуацию и возродиться. Это происходит в тюрьме, где Шекхара поддерживают другие заключенные. Спустя некоторое время он выбирает новую жизнь – не террориста, а верующего человека. В более позднем романе Агъея «Сами себе чужие» две главные героини – своего рода двойники двух героев-мужчин второго плана. Сельма Долберг противопоставлена Яну Экелофу, фотографу, что описывается в эпизоде, действие которого относится к 1906 г., задолго до того, как Сельма встречает Йоке. В городе происходит наводнение, мост, соединяющий две части города, рушится. Остается только центральная часть моста, где находятся Сельма и Ян, он, не выдержав напряжения, сходит с ума и бросается в реку. Сельме на помощь приходят люди и спасают ее.

Уже в другой ситуации Йоке неожиданно встречается со своим другом Полом и решает вместе с ним провести рождественские праздники, а когда в горах происходит сход снежной лавины, и дом, в котором она остановилась, завалило снегом, Пол вместе с друзьями приходит ей на помощь. В противоположность героиням, которые «сами себе чужие», эти герои второго плана не одиноки. Маргинальность в романе «Сами себе чужие» выражается на многих уровнях. Сама граница подтверждает, что все в мире тесно связано и не может существовать друг без друга. В мире существуют противоположности, поэтому граница между ними неизбежна. В романе показаны и другие противоположности: равнина и горы, небольшой дом, расположенный в центральной части моста, где живет Сельма между двумя разделенными частями этого моста [10, с. 55], одинокий коттедж, расположенный высоко в горах. Время в романе связано с форс-мажорными обстоятельствами, препятствующими нормальному образу жизни: это поток воды, метафорически связанный с *пралайей* – катастрофическим наводнением, землетрясением, снегопадом, Второй мировой войной. В других эпизодах это канун Рождества, что означает поворотный момент, границу как в религиозном, так и в природном контексте. Существует противостояние Света и Тьмы – двух символов жизни и смерти: солнечный свет и солнечные лучи противостоят ночной тьме в коттедже на холме, изолированном от мира белым снегом. Сельма чувствует, что была оставлена одна, в отличие от всего мира, и не испытывает никакого сострадания к двум мужчинам, с которыми была вместе, не чувствуя единения с ними перед лицом смерти. Она должна убедиться на собственном жизненном опыте, что одинока во вселенной, прежде чем начнет поиски Бога, и найдет Его в сострадании и любви. Прежде чем героиня получит ответ, она должна преодолеть барьер, совершить обряд посвящения. Из романа становится понятно, что только маргинальные ситуации, а не обычные, могут создать условия для понимания того, познаваемы ли жизнь и смерть или непостижимы, можно ли достичь Бога или нет.

Йоке, в отличие от Сельмы, так и не смогла обрести Бога, в этом заключается причина того, почему она в финале романа совершает самоубийство. Последняя сцена романа многое объясняет. До того, как оставить земную юдоль, Йоке принимает христианское имя Мариам и

исповедуется инду с Джаяннатхану. Она не только выбирает время своей смерти, встретив хорошего, по ее мнению, человека, которого может воспринимать не как чужого, но сознательно выбирает себе новое имя – это имя Божией Матери, Девы Марии [10, с. 86]. Более важно то, что избранный ею «добрый человек» – тот, кому она может доверять, у кого может попросить прощения. Точно так же Сельма попросила Йоке простить ее, прежде чем умереть, и говорит ей: «Я сделала выбор. Мы не выбираем незнакомцев, а выбираем хорошего человека. Натхан, прости меня» [10, с. 87]. Для Йоке этот добрый человек – Джаяннатхан. Он простил Мариам, даже не зная – за что, может быть, за ее странное, провокационное поведение в магазине, где они случайно встретились, и Джаяннатхан был выбран Йоке – Мариам. Это был ответный поступок: она тоже простила его. Таким образом будет сохраняться непрерывность, преемственность. Йоке-Мариам простила еще кого-то (*usko bhii*), и Джаяннатхану удается выяснить, что это не Пол, друг Йоке, которого она называет «незнакомцем», а Бог, которого Йоке-Мариам называет «*ишвар*» – на индуистский лад.

Йоке-Мариам умирает с именем Бога на устах. В индуистской традиции это очень важно, так как со времен Средневековья в традиции бхакти это означало спасение от бесконечного круга перерождений. Мятежная Йоке пошла против Бога, совершив самоубийство. Ранее она была готова совершить смертный грех – убить Сельму после того, как долгое время пробыла с ней один на один в их «снежной тюрьме». Финал романа предполагает, что Йоке свободна в своем выборе между жизнью и смертью, и возможно, что после смерти она узнает правду. Некоторые размышления Йоке на столь важную для нее тему можно найти в ее дневнике, датированном 6 января. Следует подчеркнуть, что основное действие романа происходит в канун православного Рождества, и весь роман основывается на христианском символизме. Читатель знает, что Сельма христианка, имена двух персонажей второго плана Пол (Paul) и Ян (Joan) тоже соответствуют сюжету. Даже последний поступок, хотя и не последнее слово в романе – это знак креста, который адресует пустым небесам (*sune akaś men*) незнакомый старец, и этот знак выглядит как нечто странное в пустых небесах [10, с. 88], что отсылает читателя к названию романа – «Сами себе чужие».

Своего рода «пустой и открытый» конец романа дает возможность предложить различные интерпретации его смысла. Поведение двух героинь – Йоке и Сельмы – свидетельствует, что первое и последнее желание живого существа до конца жизни – быть живым, что очевидно: любой индивид хочет продолжения, чтобы его жизнь сохранилась тем или иным способом. Даже если человек сам себе незнакомец, несмотря ни на что он должен найти «хорошего человека» – чтобы жизнь продолжалась и после того, как его самого не станет. Поведение Йоке-Мариам подтверждает это. Человек не мог бы существовать или погибнуть, уйти в небытие в одиночку, все равно кто-то должен поделиться с ним опытом жизни и смерти. И Агъея умело использует *шлоку* – двустишие древнеиндийского поэта Бхартрихари «*bhoga na bhuktam vayameva bhuktam*» («Не насладились мы желанным наслаждением, желание наслаждения нас пожрало»), чтобы применить его к современному миру. «*Akele vah bhoge bhugtā hī nahīn*» [10, с. 72] означает: «Если наслаждаться в одиночестве, этим нельзя наслаждаться». У «хорошего человека» могло быть любое имя: Бог, Ишвар, Джаяннатан, Будда. Последнее имя не упоминалось в романе, но в нем было много косвенных намеков на буддизм.

Несомненно, Агъея был одним из тех, кто искал вечную истину. Он получил бакалаврскую степень в Христианском колледже Формана в Лахоре в 1929 г. Писатель не мог дать однозначного ответа ни на один из вечных вопросов, которые составляли основу его ментального и литературного мира. Его собственный жизненный опыт послужил основой для создания образов героев его романов и повестей. У него самого, приговоренного к тюремному заключению, было достаточно времени, чтобы поразмыслить о жизни, смерти и Боге.

Как Рабиндранат Тагор, Агъея был космополитом, его интересовали мировая культура и религиозный опыт, не ограниченный миром индуизма. Очевидно, поэтому его произведения привлекают внимание, они открыты для читателей любой страны. Видимо, в этом заключается один из способов «не быть одиноким». Подтверждение можно найти, рассматривая имена, которые Агъея дает своим героям: героиню его последнего романа «Сами себе чужие» Сельму можно соотнести с Хильдой, героиней второго плана в рассказе Агъея «Превыше разума». Фамилия Сельмы, героини преклонного возраста, – Экелов (Ekelov), что почти созвучно слову хинди «*akelī, akela*», значение которого – один, одинокий, а по-английски – «alone». Это слово часто употребляется в связи с Сельмой, например, Йоке погружается в одиночестве после смерти Сельмы, чувствуя себя без нее одинокой [9, с. 79]. Раздумывая о жизни

и смерти, героиня сравнивает их с зажатым кулаком и открытой ладонью. Она вспоминает историю о монахе, который копал подземный ход из своей одинокой кельи в монастыре, но закончив работу, попал в пустую одиночную келью. Очевидно, такой эпизод неслучаен. В 1957–58 гг. Агъея совершил путешествие в Японию, в страну, в которой исповедуют буддизм и синтоизм. Она произвела на него большое впечатление. Даже человек, которому посвящен этот роман – Памяти Джин Лейн (Jīn Lain kī smṛti ko) – подтверждает, что этот роман был обращен к людям всего мира, преодолевая границы и запреты. Интернациональный характер творчества Агъеи демонстрирует его определенное сходство с творчеством Рабиндраната Тагора, автором не только романов, рассказов, поэзии, картин, но и понятия Дживан Девата – Божество жизни, которое проявляется в каждом живом существе. Тагор прошел путь раздумий и поисков Бога, предпринял много усилий для того, чтобы понять смысл и природу жизни и смерти и отразить их в своих литературных произведениях [3, с. 20–56]. Агъея и его герои тоже стремятся к этому.

Есть своего рода ирония и парадоксальность, даже некая загадка – *rahāsyā* – в том, что последний роман Агъеи подвергся критике в Индии, ему дали определение «не может быть охарактеризован как удовлетворительный» [19, с. 118], тем не менее этот роман и спустя много лет привлекает внимание читателей и выдержал почти два десятка переизданий. Специалисты по индийской литературе – в самой Индии и в других странах – обращаются к произведениям Агъеи. Например, важная, хотя и небольшая статья французской исследовательницы индийской литературы Анни Монто «Western influence on Hindi literature: a dialogical process: Agyeya's *Apne-apne ajnabī*» [19] демонстрирует, что этот роман был хорошим примером диалогических отношений между западным экзистенциалистским и индийским полюсами, что помогло читателю, жившему в 1960-е гг., найти свой путь по направлению к правде, и даже спустя много лет после того, как роман был написан в 1961 г., он «звучит все так же». Очевидно, это можно понять как то, что Агъея, обсуждая вечные вопросы и философские проблемы, был слишком современным для критиков того времени. Действительно, этот писатель и поэт опережал свое время, много раздумывал о времени, и его герои поступают так же.

В Советском Союзе Агъея воспринимался как модернист, что в те времена означало «декадент» и имело негативный смысл, но поэзия и проза Агъеи привлекали индологов – литературоведов. Светлана Эминова посвятила главу творчеству этого писателя и его роману «Сами себе чужие» в книге «Традиции и новаторство в литературе хинди» [8]. Она разделила мнение многих индийских критиков – Девараджа, Индупракаша Панде, Прабхакара Мачве, которые охарактеризовали этот роман как «экзистенциалистский и модернистский». Сравнивая роман «Сами себе чужие» с двумя предыдущими романами Агъеи, С. Эминова подчеркнула, что «эксплуатация обнаженного приема неизбежно приводит к деконструкции художественной структуры произведения. Решается философская задача, но это привело к созданию особенного “эзотерического” литературного произведения, и писателю был найден эпитет “элитарный”» [8, с. 57]. В советские времена такая характеристика для подготовленного читателя не звучала как нечто негативное, скорее, была приглашением прочесть книгу и больше узнать об авторе. Этот роман Агъеи можно рассматривать не только как логический результат его художественного развития, но и веху в литературе хинди, определившую направления и приоритеты, что было впоследствии отражено в произведениях других писателей хинди. С этим мнением согласна и литературовед Н. Д. Гаврюшина, охарактеризовавшая Агъею как одного из крупнейших писателей хинди XX в. в главе «Экзистенциализм и «новый роман» своей книги «Премчанд и роман хинди XX в.» [4, с. 138].

Как и роман Агъеи «Сами себе чужие», роман писательницы хинди Кришны Собати «Эй, девочка!», написанный примерно на 30 лет позже романа Агъеи, может рассматриваться как *prayogvādī* – экспериментальный и как «ответ» (*nazirā*) на роман Агъеи «Сами себе чужие» или стилистически альтернативную модель. И хотя Кришна Собати называет свою книгу противоположностью роману «Сами себе чужие», определив ее жанр как роман (*urāṇyaas*), эта книга больше напоминает пьесу, в которой играют две героини – мать и дочь, обмениваясь репликами, сопровождающимися минимумом авторских замечаний. Две главные героини – мать (Амми) и дочь – девочка (Лаṛkī); а также героиня второго плана, служанка по имени Сусан. Она зовет старшую «уважаемая Матушка» (Аммийī), а девочку – Старшая сестра (Didī). Имя Сусан звучит как христианское – еще один признак, который так или иначе сближает рассматриваемые произведения Агъеи и Кришны Собати. Это произведение Кришны Собати можно назвать романом о женщинах, то есть отнести его к литературному направлению

«женское письмо» (Women's writing). Его сюжет имеет некоторые автобиографические черты, хотя сама Кришна Собати подчеркивала, что при создании образа матери она опиралась не только на характер своей матери, но и других женщин, таким образом, это была своего рода смесь характеристик нескольких знакомых писательнице женщин. «Кроме этого, это именно мать, являющаяся душой этого создания» [14, с. 72–73]. В действительности, это не роман, а как назвал его в частной беседе писатель хинди Кришна Балдев Вайд, «длинный рассказ» (*lambī kahānī*)² или повесть, это глубокое произведение, рассматривающее актуальные проблемы, которые обсуждались и в романе Агъеи «Сами себе чужие» [18].

Подобно Йоке и Сельме в романе Агъеи, героини Кришны Собати – две женщины: ожидающая прихода смерти больная Мать и Девочка – дочь, которая вместе со служанкой заботится о ней. Основное действие происходит в комнате матери. Дочь иногда уходит из дома за покупками или делает что-то по хозяйству, но быстро возвращается, чтобы послушать воспоминания матери. Когда Девочка уходит, комната становится для Матери «пустой» (*beraunak*) [14, с. 12]. Кроме этих двух женщин, в романе есть еще несколько персонажей второго плана – врач, приходящий с короткими визитами, навещают их сын и деверь матери. Связь с внешним миром поддерживается с помощью телефона, но позвонившие обычно общаются с Девочкой. В отличие от мира, представленного в романе Агъеи, где преобладали темнота, холод, снег, почти не оставлявшие надежды на спасение, лишь солнечный луч, который Сельма не успела увидеть перед смертью, – атмосфера в романе Кришны Собати светлая. Но Амми требует больше света и сердится, если выключают лампу. Здесь волны ветра и свежего воздуха, щебет птиц, многочисленные воспоминания, как будто мать хочет передать всю свою жизнь дочери, чтобы сохранить ее и продолжить. Время действия романа (если не упоминать «биографическое время» матери) намного короче, чем в романе Агъеи – всего один-два дня. Этого достаточно, чтобы показать картину отношений между матерью и дочерью, подчеркнув главную идею: «Родив дочь, мать будет жить вечно... Это источник творения (*beṭī ke paidā hote hī mām sadājīvī ho jātī hai. Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭī kā srot hai*). Она никогда не умирает... (*Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭī kā srot hai*)» [16, с. 56–57]. «Став дочерью, ты стала моей матерью и мной...» (*beṭī ke paidā hote hī mām sadājīvī ho jātī hai. Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭī kā srot hai*) [16, с. 56–57]. Это вечный круговорот Жизни, преодолевающей Смерть.

Иногда между героинями возникает напряженность, которая не приводит к вспышкам гнева или жестокости. Есть элементы отчуждения, но читатель ощущает их в связи с членами семьи мужского пола, которые никогда не появляются в комнате матери, лишь разговаривают с ней по телефону. Девочке нет нужды жаловаться или бунтовать. Она своего рода последовательница концепции непротивления злу насилием в индуистском духе. Последние предложения романа таковы: девочка уверяет свою мать, что все будет хорошо (*sab ṭhīk ho jāyegā!*), а затем «глубокий вздох, дрожь, и в комнате все спокойно» [16, с. 119]. Мать никогда не бывает показана ни испуганной, ни делящейся размышлениями о природе Бога и Смерти. Для матери смерть – «освобождение тела и души» (*dehātṃ kā nistārā*) [16, с. 10], а жизнь – это *лила* (*līlā*), божественная игра. Примечательно, что Амми называет врача, который лечит ее, «мой пациент/больной» (*merā mariiz*) – потому что он не может понять причину ее болезни. Что касается Амми, то она знает, что необходим какой-то предлог для освобождения тела и души (*dehātṃ kā nistārā*), в данном случае это ее болезнь.

Амми знает какую-то вечную истину, ей стоит лишь вспомнить свою жизнь, начиная с раннего детства. Она хочет передать все свои знания дочери. Автор постоянно подчеркивает – с помощью своей героини, что она будет жить в будущих поколениях, о страхе перед смертью не может быть и речи. Сельме также удастся рассказать Йоке историю своей жизни, но это не помогает молодой женщине выжить и преодолеть искушение сделать «свой собственный выбор» и умереть.

Девочка Ларки (*Laṛkī*) и Сюзен, которые, как читатель может понять из романа Кришны Собати, не замужем, и поэтому пока не могут следовать девизу матери: «Родив дочь, мать будет жить вечно» [14, с. 56]. Главное различие между героинями романов Агъеи и Кришны Собати заключается в том, что Мать – Амми, Девочка и Сюзен не чувствуют этой «странности», отчужденности – ни по отношению к другим, ни друг к другу. Возможно, ответ женщи-

² Это мнение было высказано в частной беседе во время интервью, которое я брала у К. Б. Вайды в Дели в 2007 г.

ны-писательницы писателю Агъее таков: прежде всего человек должен любить себя и тех, кто ему близок. Настоящая женщина научит любить, а не выбирать любовь и прощение, и не только «хорошего человека» (*acchā ādmī*), как это сделала Йоке-Мариам, но и любого «незнакомца», который тогда уже не станет незнакомцем. Если это произойдет, то «пустое небо» будет похоже на «Царство Господне». Если нет, то, по крайней мере, «в комнате все будет спокойно», как в финале романа «Эй, Девочка».

Кришна Собати передает своего рода послание мира и спокойствия – «шанти» (*śānti*). Взаимодействие между двумя текстами также очень важно для понимания отношения писателей к идеологии, культуре – как индийской, так и европейской, а также эстетике, которые меняются со временем. Произведения этих писателей сочетают в себе западный и индийский подходы к пониманию и изображению мира в своих произведениях. Очевидно, «индийский подход» к жизни становится более универсальным, западный подход также меняется. Эти произведения Агъеи и Кришны Собати, рассматривающие проблему жизни и смерти, не исключение в литературе хинди, например, роман писательницы Гитанджали Шри «Мама» (*Mai*) [13] показывает три поколения женщин, отношения между дочерью, матерью и свекровью демонстрируют поиск ответов на вечные вопросы, связанные с жизнью, смертью и Богом, ответов, которые можно получить на пути Любви. Сам роман также подтверждает, что традиция продолжается и современная литература хинди рассматривает и ценит то, что было написано и обсуждалось во второй половине XX в.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет. Источник: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М, 1994. С. 105–125.
2. Бросалина Е. К. и коллектив авторов. Очерки истории литератур Индии. СПГУ, 2014. 319 с.
3. Вишневецкая Н. А. Жизнь и смерть в литературе романтизма. Оппозиция или единство // Н. А. Вишневецкая, Е. Ю. Сапрыкина (ред.). М.: ИМЛИ, 2010. С. 20–56. 432 с.
4. Гаврюшина Н. Д. Премчанд и роман хинди XX века. М., Институт востоковедения РАН, 2006. 224 с.
5. Костина Е. А., Челнокова А. В. Лингвистические особенности коммуникации «мать-дочь» в современном хинди (на материале повестей Кришны Собати). Коммуникативные стратегии информационного общества : труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2018. Рр. 107–115.
6. Паевская Е. В. Литература хинди // Литература Востока в Новейшее время. М. : Изд. МГУ, 1977. 199–207 с.
7. Сенкевич А. Н. Человек и природа в лирике Агъея // Художественные направления в индийской литературе XX в. М. : Наука, 1977. С. 226–245.
8. Стрелкова Г. В. Русские герои индийского писателя // Известия Пензенского государственного университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 252–258.
9. Эминова С. М. Традиции и новаторство в современном романе хинди. М. : Наука, 1987. С. 44–58. 134 с.
10. *Ajneya*. *Apne-apne ajnabī*. N. Delhi : Bharatiya Jnanpith, 1961. Pp. 5–127.
11. *Ajneya*. *Sanchayitaa*. N. Delhi : Rajkamal prakashan. 2001. 496 p.
12. *Ajneya*. *Shekhar Ek jivanī*. N. Delhi : Ilahabad, 1941–1944. 249 p.
13. *Garg Ganga Ram*. *Encyclopedia of the Hindu World*. N. Delhi : Concept Publishing Company, 1992. 285 p.
14. *Gitanjali Shri*. "Mai". Kali for women. 2015. 208 p.
15. *Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times* : STEDT monograph series (English and Hindi Edition) / Hindi Edition by Vasudha Dalmia (Author, Editor). February 17, 2012.
16. *Krishna Sobati*. Listen, Girl / Translated from Hindi by Shivanath. Katha Publishing House, 2002. 107 p.
17. *Kṛṣṇā Sobtī*. A Counter Archive. Delhi : Rajkamal Publishers, 2015; Routledge 2022. 306 p.
18. *Kṛṣṇā Sobtī*. Ai, Laṛkī. N. Delhi : Rajkamal Prakashan, 1991. 82 p.
19. *Kṛṣṇā Sobtī*. The Heart Has Its Reasons / Translated by Reema Anand and Meenakshi Swami. N. Delhi : Katha, 2005. 220 p.
20. *Kṛṣṇā Sobtī, Krishna Baldev Vaid*. *Sobti-Vaid samvād*. N. Delhi : Rājkamal Prakāśan, 2007. 207 p.
21. *Mountaut Annie*. Western Influence on Hindi Literature: a Dialogical Process: Agyeya's Apne-apne ajnabī // Literature, Language and the Media in India. Proceedings of the 11th ECMSAS, Amsterdam 1990. Panel 13. Delhi : Manohar, 2000. Pp. 117–137.
22. *Shaah Rameshchandar*. *Agyey Sahitya Academy*. Delhi, 1990. 81 p.
23. *Vatsyayan Sachchidan Hironanda*. To each his stranger H. Delhi, 1982. 119 p.

The theme of life and death in the works of Agyei and Krishna Sobati

Strelkova Guzel Vladimirovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Indian Philology at the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher at the Department of Asian Literatures at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-4989-2428. E-mail: gstr@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the fact that in Russian Indology, the theme of life and death, revealed in the works of Hindi writers Agyei "Strangers to Themselves" and Krishna Sobati "Hey, Girl", had not been considered before. The purpose of the article is to consider an approach to understanding the nature of God, life and death using the example of these two novels, which are vivid examples of Indian modernism. The subject of the article are these two novels – "Strangers to themselves", the author of which – Agyei – is considered the founder of the literary direction of experimentalism, and "Hey, Girl", written by Krishna Sobati, a representative of the direction of "women's writing". The main method of the article is the method of comparative analysis, which allows us to consider works of fiction in relation to the works of other writers, with other literatures and philosophical concepts.

The main characters of Agyei are lonely people who oppose a conservative society and feel excluded from the common world. Krishna Sobati's characters may be perceived as marginal personalities, but they strive to overcome their marginality. The work of these Hindi writers combines Western and Indian approaches to understanding and depicting the world in which their characters live. These works are close compositionally, in creating images of the main characters and in forming narrative elements. Agyei and Krishna Sobati achieve almost the opposite result, describing their characters on the verge between life and death, in search of God and in an effort to know the meaning of their existence.

Keywords: Hindi novel, women's writing, Hinduism, existentialism.

References

1. Averincev S. S. *Avtorstvo i avtoritet. Istochnik: Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya* [Authorship and authority. Source: Historical Poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. M. 1994. Pp. 105–125.
2. Brosalina E. K. and team of authors. *Ocherki istorii literatur Indii* [Essays on the History of Indian Literature]. SPSU, 2014. 319 p.
3. Vishnevskaya N. A. *Zhizn' i smert' v literature romantizma. Opozitsiya ili edinstvo* [Life and death in the literature of romanticism. Opposition or unity] // N. A. Vishnevskaya, E. Y. Saprykina (ed.). M. IMLI, 2010. Pp. 20–56. 432 p.
4. Gavryushina N. D. *Premchand i roman hindi XXveka* [Premchand and the Hindi novel of the twentieth century]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006. 224 p.
5. Kostina E. A., Chelnokova A. V. *Lingvisticheskie osobennosti kommunikatsii "mat'-doch'" v sovremennom hindi (na materiale povestej Krishny Sobti). Kommunikativnye strategii informacionnogo obshchestva : trudy X Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferentsii* [Linguistic features of mother-daughter communication in modern Hindi (based on the stories of Krishna Sobti). Communicative strategies of the information society : proceedings of the X International Scientific and Theoretical Conference]. SPb. Publishing House of St. Petersburg State Polytechnic University, 2018. Pp. 107–115.
6. Paevskaia E. V. *Literatura hindi* [Hindi Literature] // *Literatura Vostoka v Novejshee vremya* – Literature of the East in Modern times. M. Publishing House of Moscow State University, 1977. 199–207 p.
7. Senkevich A. N. *Chelovek i priroda v lirike Ag'eya* [Man and nature in the lyrics of Agyei] // *Hudozhestvennye napravleniya v indijskoj literature XX v.* – Artistic trends in Indian literature of the twentieth century. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 226–245.
8. Strelkova G. V. *Russkie geroi indijskogo pisatelya* [Russian heroes of the Indian writer] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. G. Belinskogo* – Proceedings of Penza State University n. a. V. G. Belinsky. 2011. No. 23. Pp. 252–258.
9. Eminova S. M. *Traditsii i novatorstvo v sovremennom romane hindi* [Traditions and innovation in the modern Hindi novel]. M. Nauka (Science), 1987. Pp. 44–58. 134 p.
10. *Ajneya*. Apne-apne ajnabi. N. Delhi : Bharatiya Jnanpith, 1961. Pp. 5–127.
11. *Ajneya*. Sanchayitaa. N. Delhi : Rajkamal prakashan. 2001. 496 p.
12. *Ajneya*. Shekhar Ek jivani. N. Delhi : Ilahabad, 1941–1944. 249 p.
13. *Garg Ganga Ram*. Encyclopedia of the Hindu World. N. Delhi : Concept Publishing Company, 1992. 285 p.
14. *Gitanjali Shri*. "Mai". Kali for women. 2015. 208 p.

15. Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times : STEDT monograph series (English and Hindi Edition) / Hindi Edition by Vasudha Dalmia (Author, Editor). February 17, 2012.
16. *Krishna Sobati*. Listen, Girl / Translated from Hindi by Shivanath. Katha Publishing House, 2002. 107 p.
17. *Kṛṣṇā Sobtī*. A Counter Archive. Delhi : Rajkamal Publishers, 2015; Routledge 2022. 306 p.
18. *Kṛṣṇā Sobtī*. Ai, Laṛkī. N. Delhi : Rajkamal Prakashan, 1991. 82 p.
19. *Kṛṣṇā Sobtī*. The Heart Has Its Reasons / Translated by Reema Anand and Meenakshi Swami. N. Delhi : Katha, 2005. 220 p.
20. *Kṛṣṇā Sobtī, Krishna Baldev Vaid*. Sobtī-Vaid samvād. N. Delhi : Rājkamal Prakāśan, 2007. 207 p.
21. *Mountaut Annie*. Western Influence on Hindi Literature: a Dialogical Process: Agyeya's Apne-apne ajnabi // Literature, Language and the Media in India. Proceedings of the 11th ECMSAS, Amsterdam 1990. Panel 13. Delhi : Manohar, 2000. Pp. 117–137.
22. *Shaah Rameshchandar*. Agyey Sahitya Academy. Delhi, 1990. 81 p.
23. *Vatsyayan Sachchidan Hironanda*. To each his stranger H. Delhi, 1982. 119 p.